

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТОНИМИИ В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПО МОТИВАМ ЭПОСА «КНИГА МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»

В статье анализируются лексико-стилистические особенности метонимии в художественных произведениях современных азербайджанских писателей и поэтов по мотивам древнего огузского героического эпоса «Книга моего Деда Коркута» (КДК). В этом эпосе персонификация, олицетворение, антропоморфические метафоры, сравнения являются традиционными тропами.

Эта же особенность характерна для произведений современных азербайджанских писателей и поэтов по мотивам данного эпоса. В статье рассматриваются причины сходств и различий между системой тропов в КДК и единицами этих же ярусов современного азербайджанского языка; анализируются особенности употребления метонимии в произведениях. В процессе исследования обнаруживаются скрытые и явные проявления метонимии, рассматриваемые в отдельности и в сравнении.

Ключевые слова: эпос, мотивы, тропы, метонимия, экспрессивность.

Есть такие историко-литературные произведения, которые входят в сокровищницу мировой литературы, культуры как носители духовных ценностей народа. Мотивы, образы, язык, стиль, сюжеты, тематика этих произведений, связанные с героизмом, любовью, патриотизмом, несут символический характер для литературы и языка народа. Время от времени мастера слова возвращаются к такому памятнику и, творчески используя эти мотивы, сюжет, язык, затрагивают актуальные проблемы, пробуждают и оживляют историческую память.

Для французов таким памятником является «Песнь о Роланде», для немцев – «Песнь о Нибелунгах», для славянских народов – «Слово о полку Игореве», для индусов – «Махабхарата» и «Рамаяна». Для всех тюркских народов, в том числе для азербайджанского народа таким памятником является эпос «Книга моего Деда Коркута» (КДК) [1, с.24].

«Самым величественным произведением тюркских народов является эпос «Китаби Деде Коркут» [1, 25]. С точки зрения синтеза в этом памятнике самых разнообразных и интересных особенностей поэтики тюркского эпоса произведение является одним из важных источников для исследований, связанных с лингвистической поэтикой.

Сравнительное исследование этого памятника и написанных на его основе современных литературных произведений имеет важное значение для изучения истории языка, поэтики фольклора и форм проявления особенностей этой поэтики в современных произведениях. Такого рода исследования представляют большой научный интерес для определения возможностей языка для выражения мысли в художественной форме.

Сведения о прошлом народа, относящиеся к далёкой древности, хранятся в фольклорных и письменных памятниках. Это делает актуальным лингвистический анализ

письменных памятников. Такого рода исследования дают возможность выявлять слова, употреблявшиеся в разные исторические периоды, изучать лексико-семантические пути их развития. Поэтому сравнение языка древних памятников с языком современных произведений играет важную роль в установлении интересных с научной точки зрения фактов истории языка. Такое сравнительное исследование может представлять ещё больший научный интерес, если его проводить на материале произведений, созданных на основе сходных мотивов.

КДК – целостная поэтическая система. Исследование произведений, написанных по мотивом этого эпоса, имеет важное значение с точки зрения выявления особенностей его языка и стиля, современных форм их проявления. Поэтика дастана должна изучаться в самых различных аспектах на всех уровнях образности.

Современные литературные произведения по мотивам КДК весьма интересны отношением мастеров слова к теме, сюжету, обращением к фольклору и эпосу, формой повествования. Естественно, у писателей и поэтов, творчески использующих и оживляющих мотивы дастана, свой взгляд на описываемые события.

Художественная ценность, содержание и трактовка современных литературных образцов – дело литературоведения и литературной критики. С лингвистической же точки зрения, основной интерес представляет следующее: способы творческого использования азербайджанскими писателями и поэтами языка и стиля КДК; выявление сходств, различий и изменений в поэтике языка, происшедших за долгий исторический период.

Как в КДК, так и в языке художественных произведений, написанных по его мотивам, наглядно проявляются образное выражение мысли, наполнение слова дополнительной семантикой и смысловыми нюансами.

В дастане и написанных по его мотивам современных произведениях широко используются различные тропы, в частности, метонимия. В этих произведениях, метонимии усиливая выразительность и воздействие художественного языка, служат сжатости, лаконичности и образности.

Как известно, метонимия – троп, состоящий в переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности. «Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности и её отражению в сознании, закреплённым значениями слов, – между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т.п.» [9, с.300].

В отличие от метафоры метонимия основана на замене слов по смежности (часть вместо целого или, наоборот, представитель класса вместо всего класса или наоборот, вместилище вместо содержимого или наоборот и т.п.) [3, с.123].

При метонимизации выявляются различные формы межпредметной связи. Так, название может быть перенесено с сосуда, вместилища, помещения на содержимое или объём содержимого; с материала на изделия из него; с действия на его результат, место или вовлечённый в действие предмет (субъект, объект, орудие) и т.д. Дать точное количество и классификацию этих форм довольно трудно. Попробуем внести ясность в эту проблему анализом некоторых тропов:

Gördülər ki,
Üfüqlərdən
uğultuyla
gurultuyla
Bir dağ gəlir
O dağ gəlir,
Elə gəlir,
Yer də, göy də dilə gəlir
O dağ düşür başlar üstə,
Başlar düşür
daşlar üstə [4, 102]
И тут они увидели,
что с горизонта
с воем и грохотом
надвигается гора.
Гора надвигается так,
Что заговорили и земля, и небо.
Гора навалилась на головы,
Головы полетели на камни.

(здесь и далее подстрочный перевод автора статьи – А.М.).

Камень, выпущенный Гараджа Чобаном из пращи, поэт называет горой как видна.

Здесь наряду с метонимическим переносом есть и гипербола.

В произведении Анара слово **аğac** «дерево» для образной выразительности употребляется как метонимия: Qırçaq Məlik isə hələ addımlayan ağacı görməmişdi [5, 67]- Кыпчак Мелик ещё не видел шагающее дерево. Под шагающим деревом подразумевается дерево, к которому был привязан руками и ногами Гараджа Чобан и которое он вырвал с корнем. Здесь на самом деле шагает Гараджа Чобан. В КДК Казан привязал Чобана к дереву. Чобан вырвал дерево с корнем и с деревом на спине пустился за Казаном. Казан, восхищённый мужеством и непоколебимостью Чобана, отвязывает его от дерева и вместе с ним отправляется в путь [6, с.46]. У Анара Казан не отвязывает Чобана от дерева перед битвой.

Привязывая его к дереву, он говорит:

– Враг напал на мой дом, я и буду с ним биться. Сокрушу врага – освобожу тебя. Погибну – оставайся и ты здесь, на корм птицам и червям! Может, поймешь, что, не испросив позволения, сражаться с чужим врагом – постыдное дело у нас в народе.

Эта была странная битва человека с деревом [5, с.68]. Гараджа Чобан использует дерево, к которому привязан, как боевое орудие. Бегущие к Газану люди запнулись, остановились, попятнулись: на них двигалось дерево — огромное, раскидистое.

Ветви и листья скрывали привязанного к стволу Гараджа Чобана, и казалось, будто движется само дерево.

А Кыпчак Мелик еще не видел его.... Согласно обычаю своего племени, он перепрыгивал через тело поверженного врага с обнаженным мечом в руке, выкрикивал какую-то дикую песню.

Наконец Кыпчак Мелик закончил обряд. Он нацелил острие меча прямо в лоб Газану, но вдруг был отброшен в сторону ветвью дерева. Гараджа Чобан раскачивал дерево

из стороны в сторону и бил им Кыпчак Мелика. Удивителен был этот поединок дерева с человеком! Кыпчак Мелик кое-как вскочил на коня и удрал. Анар описывает эту сцену образным языком и производителем действия (Гараджа Чобана) называет орудием действия (дерево).

Известный поэт из Южного Азербайджана Саханд вносит очень мало изменений в сюжетную линию эпоса, последовательность событий. Поэтому в его произведении нет выражения «шагающее дерево» [10].

В КДК традиционными являются персонификация, олицетворение. Огузы с величайшей любовью и почтением относились к деревьям, горам, рекам, рощам, чащам и др., что являлось символом их связи с родиной, любви к каждому её объекту.

Писатель Анар, взяв за основу эту особенность, при описании отношений некоторых создаваемых им образов к горе, конкретно к горе Газылыг, использует метонимию: Гора Газылыг, ты – свёкор всех наших огузских невест [5, с.90].

На вершине дальней горы тоже загорелись три костра.

И еще на одной горе.

На вершинах далеких-далеких гор пылало по три костра. Люди, горы огнями своими перекликались друг с другом [5, с.91]. В этом отрывке также наблюдаются олицетворение и метонимизация. Горе приписываются качества, присущие человеку. В действительности, огни, горящие в горах, служили средством передачи вестей, передаваемых жителями гор друг другу.

Писатель образным языком описывает общение гор и людей.

В произведениях по мотивам КДК достаточное место отводится олицетворению, и при этом широко используется метонимия. Газан не знает о том, что его дом разграблен, а его жена бурла Хатун взята в плен. Очень важно сообщить ему эту весть, иначе враг осуществит свой коварный замысел. При таком отчаянном положении, безысходности поэт персонифицирует природные силы, природные объекты, наделяя их человеческими качествами и призывая на помощь:

“Bir an mənə sən qulaq as,

Sözüm vardır, bulud, sənə

Təkcə qalıb umud sənə!

Uça-uça dağ başından

Yaş axıdıb haray çək ki,

Sevgilinin ala gözü

Bulud tək!

Solur Qazan” [4, s.66].

Выслушай меня, облако,

лишь на тебя

одна надежда!

Пролетая над вершиной горы,

пролей слёзы и всем поведай,

Что большие глаза любимой тают как облако,

В этом отрывке метонимический перенос в двух направлениях. Поэт говорит с облаком, персонифицирует, его; дождь отождествляет со слезами. Конечно, отождествление дождя со слезами возникло ещё в древние времена и часто встречается в древних

памятниках, в классической и современной литературе (откуда облака собирают свои слезы (Р.Рза). В вышеприведённом отрывке второй метонимический перенос и значение словосочетания после этого переноса (Большие глаза любимой тают как облако, Газан!) выразительнее и эмоциональнее.

Как известно, дождь- это атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды. С исчезновением облака прекращается и дождь. Возлюбленная Газана проливает слезы словно дождь, и скоро этот дождь прекратится, и с его прекращением иссякнет и его источник.

В словосочетании *ala gözlər ala* означает большие. Большие голубые глаза Бурла хатун тускнеют и тают словно облако.

В произведениях по мотивам КДК довольно часто встречаются метонимии на основе переноса названий частей человеческого тела (соматонимов) на природные объекты, например: *yerin ürəyi* – сердце земли, *yerin dilə gəlməsi* – земля заговорила (*dil*-язык) и др.:

– *Qalx, Çoban! – söyləyir.*

Yerin ürəyi.

Dinləyir...

Elə bil

Yer gəlir dilə...

Qardaş, bu nədir?

Мәнә хәбәр verdі yerin ürəyi [4, s.77].

Встань, Чобан!- говорит сердце земли

Он слушает...

Словно земля заговорила...

Братец, что же это?

Мне об этом поведало сердце земли.

В азербайджанском языке употребляются фразеологизмы **ürəyi daş olmaq, ürəyi daş dönmək** – сердце окаменело- о равнодушном, безразличном, черством и бездушном человеке.

Рассмотрим другой например:

«Onun **ürək** əvəzinə

Sinəsinə

Od qoyarıq

Sonra onu...

Sənin ilə vuruşmağa yollayaraq [4, c.101].

– Мы поместим ему в грудь **огонь** вместо **сердца** и потом отправим его на битву с тобой.

В произведении Наби Хазри по мотивам КДК Кыпчак Мелик намекает на то, что человек, близкий Газану, – его жена – вырастит его сына бесчувственным, равнодушным, враждебным к нему и что этот человек будет отправлен на битву с Газаном. Поэт путем метонимического переноса показывает, что в человеческой груди вместо сердца будет огонь. Здесь слово *od* «огонь» имеет также метафорическое значение и выражает враждебность, жажду крови, убийства, разрушения. Сжигать, разрушать, уничтожать свойственно огню. Поэт пишет о событии, которое ещё не произошло, о котором он пока размышляет, и, мастерски используя метонимию, показывает весь ужас, всю изменчивость чувств врага.

Ürək susur

Qan da donur

Bu sözlərin dəhşətindən [4, с.84].

Сердце молчит, кровь стынет от этих ужасных слов».

Молчание свойственно человеку. Посредством метонимии эта особенность переносится на сердце. Если сердце молчит, то это значит, что оно остановилось, больше не бьется, а это – смерть для человека. В этом маленьком контексте вторая метонимия создается с помощью глагола *donmaq* «замёрзнуть, стынуть».

Замерзание – физическое состояние жидкости. В глаголе *donmaq* есть сема «неподвижность, бездействие». Поэт использует параллель кровь – вода. Если кровь не будет течь венах, то человек умрёт. «Стынет кровь»-художественное выражение бездействия.

Событие, о котором повествуется, настолько ужасно, что у человека, услышавшего о нем, стынет кровь.

Oyanmaq – просыпаться, проснуться, пробуждаться. Со временем у этого глагола сформировалось и метафорическое значение – пробуждение природы, оживление окружающего мира. Эта особенность, присущая человеку, переносится на природу и жизнь. Такой метонимический перенос не нов. Эта метонимия широко встречается в азербайджанском фольклоре, в частности, в ашугском творчестве. Она также употребляется в произведении Анара по мотивам КДК:

«Деде Коркут играл на гопузе (гопуз – тюркский народный струнный музыкальный инструмент- А.М.) – **жизнь** вновь **пробуждалась** [5, с.101]. Здесь писатель, мастерски используя контекстуальную связь слов в художественном языке, создает ряд подтекстных значений.

Вражда между детьми огузов привела к тому, что жизнь в этом крае замерла, и возродить всё очень сложно. Только вмешательство мудрецов, извлечение уроков из прошлого, вера в будущее и любовь к жизни могут всё возродить и оживить. Именно поэтому мудрейший глава огузов Деде Коркут играет на гопузе и под его звуки, под слова, звучащие из его уст, возрождается жизнь. Персонификация слова «жизнь», употребление его в составе метонимического выражения наблюдается и в других произведениях, написанных по мотивам КДК.

В финале произведения Алтая Мамедова «Дели Домрул» в песнях, звучащих с уст Деде Коркута, олицетворения и метонимические переносы основаны на абстрактных понятиях. Здесь слова **həyat** «жизнь», **əcəl** «рок, смертный час», **ölüm** «смерть» используются как метонимия:

«Banım çiçək, Banım gözəl,
Hanı ölüm, hanı əcəl?
Sevgi odu qarşısında
Məğlub oldu, sınıq düşdü [7, s.266].
Бану, мой цветок, моя красавица,
Где же смерть?
Перед огнем любви она
Не устояла и была повержена.
“Ölüm öldü! Siz yaşayın
Nəyat güldü! Siz yaşayın” [7, s.267].

Смерть умерла! Вы живите!
Жизнь засмеялась! Вы живите!

Писатель персонифицирует смерть, рок, описывает их поражение, гибель в борьбе с человеком и показывает торжество жизни. Жизнь и смерть –контрарные антонимы, противоположные полюсы. Рок занимает промежуточную позицию между этими полюсами и связан с предсмертным часом. Писатель возводит эти понятия на один уровень. Их отсутствие представляется как торжество жизни и человека.

Персонификация смерти наблюдается и в произведениях Наби Хазри. Здесь человек лицом к лицу сталкивается со смертью:

Ölüm ilə döş-döşə o,
Gedir sanki döyüşə o [4, s.97]

Сойдясь грудь на грудь
со смертью, он словно
идет на бой.

Это можно понять двояко: герой идет плечом к плечу со смертью; герой идет на бой со смертью.

В бою герой ощущает присутствие смерти, однако он не боится ни её, нипредстоящего боя.

Хотя персонификация смерти в литературе не нова, образное выражение «убийство смерти» малоупотребительно в азербайджанской поэзии. Образ смерти, её убийство встречаются в поэзии Расула Рзы. Вспомним строки из его стихотворения «Интерес», написанного в 1966 г.:

Harda yaşayır ölüm?
Götürüm gəncliyimi,
Axtarıb tapım onu, öldürüm [8, 104].

Где живёт смерть?
Возьму-ка я свою молодость,
Найду смерть и убью её.

В одном из своих произведений Наби Хазри переносит особенность, свойственную вину, на кровь и создаёт метонимию:

Yaxşı indi məst edərəm
Öz qanında səni düşmən [4, s.404]

Сейчас я опьяню тебя твоей же кровью, враг.

Такая форма метонимического переноса связана с событиями в сюжете произведения. Используя эту метафору, автор принимает во внимание данные события. Кыпчак Мелик хочет испить чашу вина из рук Бурлы Хатун и опьянеть от него. Поэтому среди девушек и женщин, приведенных им из края огузов, он ищет Бурлу Хатун. Однако все они хором говорят: «Я- Бурла Хатун». Это и появление Гараджи Чобана и Казана мешает исполнению его желания. В финале произведения Бурла Хатун прежде чем убить врага говорит ему о том, что опьянит его, его же собственной кровью.

В произведениях Наби Хазри, написанных по мотивам КДК, персонифицируется и «материнское молоко». Сын говорит матери о том, откуда в нём смелость, мужество и отвага: все качества он впитал с материнским молоком. В этом стихотворении материнское молоко словно заговорило и поведало ему обо всём в тот момент, когда мать еще кормила его грудью:

Çünki sənin,

Ana, südün

Qorxusuz ol, deyib mənə [4, с.70]

Потому что твоё молоко, мама, велело мне быть бесстрашным.

Можно привести ещё множество примеров метонимии из современных писателей и поэтов, произведений, написанных по мотивам КДК.

Выявление причин сходств и различий между системой тропов в КДК и единицами этих же уровней современного азербайджанского языка весьма важно. Следует отметить, что язык КДК и как средство общения, и как художественный язык отличается такой филигранной точностью, что улучшить его невозможно. Хотя бы потому что этот эпос – фетишизированный и божественный памятник для тюркских народов. Искать же недостатки и изъяны в высокой материи весьма сложно, т.к. это вне компетенции какого-либо конкретного исследователя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анар. Мир Деде Коркута//Анар. Мир это окно. Баку: Гянджлик, 1983, 536 с. (на азербайджанском языке)
2. Эфендиева Т.А. Средства художественной выразительности в азербайджанском языке. Баку: Элм, 1973, 76 с. (на азербайджанском языке).
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977, 264 с. (на русском языке).
4. Наби Хазри. Сны-легенды. Избранные произведения. Т. IV. Поэмы и переводы. Баку: Язычы, 1984, 364 с. (на азербайджанском языке).
5. Анар. Деде Коркут (повести и пьесы). Баку: Гянджлик, 1983, 168 с. (на азербайджанском языке).
6. Книга моего Деда Коркута. Перевод академика В.В.Бартольда. Баку: YNE «XXI», 1999, 319 с. (на русском языке).
7. Мамедов А. Дели Домрул (комедия в двух частях). Баку: Гянджлик, 1981, 361 с. (на азербайджанском языке).
8. Расул Рза. Пока есть время. Баку: Гянджлик, 1970, 227 с. (на азербайджанском языке).
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Под ред. В.Н.Ярцевой. 2-е изд. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998, 685 с. (на русском языке).
10. Саханд Б.Г. О чём поведал мой саз. Баку: Язычы, 1984, 254 с. (на азербайджанском языке).

Мамедова Айнура Сабир гизи,

Азербайджан

ЛЕКСИКО-СТИЛІСТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ МЕТОНІМІЇ У СУЧАСНИХ ХУДОЖНІХ ТВОРАХ ЗА МОТИВАМИ ЕПОСУ «КНИГА МОГО ДІДА КОРКУТА»

У статті аналізуються лексико-семантичні особливості метонімії у художніх творах сучасних азербайджанських письменників і поетів за мотивами давнього

огузького героїчного епосу «Книга мого діда Коркута» (КДК). У цьому епосі персоніфікація, втілення, антропоморфічні метафори, порівняння виступають як традиційні тропи. Та сама особливість характерна для творів сучасних азербайджанських письменників і поетів за мотивами данного епосу. У статті розглядаються схожі і відмінні риси у системі тропів в КДК і одиниць тих самих ярусів сучасної азербайджанської мови; аналізуються особливості вживання метонімії у творах. У процесі дослідження виявляються приховані і відкриті метонімії, які розглядаються окремо і порівнюються.

Ключові слова: епос, мотиви, тропи, метонімія, експресивність.

Mamedova Aynur Sabir gizi,

Azerbaijan

THE LEXICAL-STYLISTIC PECULIARITIES OF METONYMY IN THE MODERN ARTISTIC WORKS ON THE MOTIVES OF THE EPOS “KITABI-DEDE KORKUT”

The article deals with the analysis of the lexical-stylistic peculiarities of metonymy in the modern Azerbaijani writers' and poets' artistic works on the motives of the ancient Oghuz epos “Kitabi-Dede Korkut” (KDK). The personification, embodiment, anthropomorphic metaphors, comparisons are traditional tropes in this epos. The same peculiarity is also characteristic for the modern Azerbaijani writers' and poets' works written on the motives of the epos. The reasons of the similarities and distinctions between the system of tropes in KDK and the units of the same layers of the modern Azerbaijani language are considered; the peculiarities of the use of metonymy in these works are analysed. The ulterior and obvious manifestation of metonymy revealed during the research are analysed both separately and in comparison.

Keywords: epos, motives, tropes, metonymy, expressiveness.